

13 Июля 1929 г.

№ 28.

КРАСНАЯ ПЯНОРАМА

А. П. ЧЕХОВ И ВСТРЕЧИ С НИМ

Н. Телешов

Снова весна и море и южное солнце; снова цветут вокруг миндали и абрикосы; в гуще деревьев перекликаются птицы веселыми голосами. Знакомая Аутская дорога приводит к знакомому белому дому, что стоит среди зелени под горой. Да, уже четверть века, как ушел навсегда из этого дома писатель, но чья-то заботливая рука сохранила все так, как было при его жизни.

Вот в этом самом кабинете, из окна которого под сияющим небом видны море и горы и кипарисы, Чехов любил мечтать о московском сентябрьском дожде, о березах и елках, об излестном пруде с карасями, о том, как хорошо обдумывать повесть и пьесы, глядя на поплавок и держа в руке удочку... Помню, как весенним вечером, когда года за два до смерти А. П. созвал нас к себе; тут были Горький, Бунин, Елпатьевский, художник Нилус, писавший с него портрет; был, помнится, и Мамин-Сибиряк. После ужина, в кабинете, Бунин, или «Букишон», как ласково называл его Чехов, предложил прочитать вслух один из прежних рассказов Чехонте, который А. П. давно забыл. Трогательно было видеть, как Чехов сначала хмурился, стесняясь слушать свое же сочинение, потом, по мере развития рассказа, буквально трясся от хохота в своем мягком кресле, но молча, стараясь сдержаться.

Встречи с Чеховым проходят через всю мою писательскую жизнь, начиная с юности. Я стал знать его еще с той поры, когда он сам был не столько Чехов, сколько «Чехонте». Его первая книжка «В сумерках» только что вышла. Тогдашняя критика высокомерно молчала; даже ново-временский зубоскал Буренин, критик той же газеты, которая издала книжку, отметил ее появление стихами:

Беллетристику-то, эх, увя!
Пишут Минские да Чеховы,
Барандевичи да Альбовы;
Почитаешь — станет жаль Бовы!

Но читатели живо интересовались Чеховым и сумели верно понять и оценить его сами, без посторонней помощи.

Познакомился я с А. П. на веселой свадебной пирушке, где гости засиделись до самого утра. А под утро, после ужина, Чехов и Гиляровский предложили мне поехать с ними чай пить. В эту предрассветную пору открывались в Москве трактиры только самые дешевые, для извозчиков. И вот наша первая литературная беседа была именно здесь, в трактире, в самой серой обстановке, в зимнюю стужу, в ожидании утреннего рассвета. Чехов был в ту пору — как правильно

сказано про его внешность — при несомненной интеллигентности лица, с чертами, напоминавшими добродушного деревенского парня, с чудесными улыбающимися глазами. Благодаря тому, что все мы были одеты во фраки, нас принимали здесь за свадебных официантов, и это очень веселило Чехова. Несмотря на закопченные стены трактира, не просохшую с вечера салфетку на скрипучем столе, на кусочки лимона, почему-то пахнувшие луком, на пузатый чайник с кипятком, разрисованный веселыми розанами, беседа была оживленная и содержательная — о писателях, о сюжетах, о детской литературе, которую Чехов

шутя называл «собачьей» литературой, потому что для детей обычно писали в то время про собак.

К молодым писателям Чехов относился всегда благожелательно и ко многим очень сердечно. Всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения.

— Поезжайте в Японию, — говорил он одному. — Поезжайте в Австралию, — советовал другому. — Поезжайте куда-нибудь далеко, за тысячи верст отсюда. Ну, хоть в Сибирь! — обращался он в том числе и ко мне. — Сколько всего узнаете, сколько рассказов оттуда привезете! Увидите народную жизнь, будете почевать в избах и на глухих почтовых станциях, как в пушкинские времена. И клопы вас

будут заедать; но это хорошо. После скажете мне спасибо. Только по железным дорогам надо ездить непременно в третьем классе, а то ничего интересного не услышите.

В 900-ые годы в Москве у нас образовался товарищеский кружок писателей, под названием «Среда»; многие виднейшие молодые писатели того времени, как Вересаев, Горький, Бунин, Найденов, Шмелев, Леонид Андреев, Зайцев — были постоянными посетителями литературных бесед; не чуждались их и более старшие писатели, как Елпатьевский, Златовратский, Короленко, Боборыкин, Мамин. Хотя Чехов жил в Ялте, но всегда интересовался нашим кружком и, когда мы напечатали товарищеский сборник, А. П. писал о нем: «Я прочитал уже почти все — и многое мне понравилось, многое очаровало... «В сочельник» и «Песня слепых» (особенно конец) показали мне необыкновенно хорошими, великолепными... Спасибо большое, большущее! Крепко жму руку... Поклон и привет завсегда! «Среды». А когда в 1904 г. Чехов приехал в Москву ставить свою последнюю пьесу «Вишневый сад», то провел среди наших товарищей весь вечер и просил писать ему о всех наших новостях и успехах.

На премьере «Вишневого сада» в Художественном театре присутствовала конечно вся «Среда». На сцене, при откры-

А. П. Чехов в саду деревни Мелихово — 1892 год

том занавесе публика горячо и сердечно чествовала своего любимого писателя, весьма смущенного и не знавшего, куда деваться от речей и приветствий. От имени Художественного театра Немирович-Данченко сказал тогда значительное определение отношений театра к своему автору:

А. П. Чехов — 1901 год

«Наш театр в такой степени обязан твоему таланту, твоему нежному сердцу, твоей чистой душе, что ты по праву можешь сказать: это — мой театр».

Чехов в свою очередь высоко ценил значение МХТ. В одном из его писем говорится, что «Художественный театр — это лучшие страницы той книги, которая когда-либо будет написана о современном русском театре».

Последняя наша встреча — в Москве, накануне отъезда Чехова за границу, откуда он уже не вернулся живым. Когда я вошел, передо мной на диване, обложенный подушками, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький человек, с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до такой степени был худ и изнурен А. П. Никогда не поверил бы, что можно так измениться.

— Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать!

Протягивает мне слабую восковую руку, на которую жутко взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами.

— Поклонитесь от меня всем товарищам вашим по «Среде». Хороший народ у вас подобрался. Скажите им, что я помню их и некоторых очень люблю. Пожелайте им от меня счастья и успехов. Больше уже не встретимся.

Тихая, сознательная покорность отражалась в его глазах.

— А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите ему от меня — не забудьте.

Сомневаться в том, что мы видимся последний раз, не приходилось. Слова его были для меня последними — это было так ясно...

На другой день он уехал. А месяца через два в Баден-вейлере, вечером 15 июля, когда средства борьбы были уже истощены, доктор велел дать больному шампанского. Но ведь больной был сам доктор. Он сел и как-то значительно и громко сказал доктору по-немецки: «Я умираю». — Потом взял бокал, повернулся лицом к жене и с улыбкой проговорил последние слова в жизни: «Давно я не пил шампанского».

По словам жены, он спокойно выпил все до дна, тихо лег на левый бок и вскоре умолк навеки. Жутко ую тишину ночи нарушала только ворвавшаяся в окно большая черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате.

Начинало светать... Вскоре запели утренние птицы...

А затем — торжественные проводы иностранцев и казенное принятие гроба русским полицейским правительством, незнакомым даже с именем Чехова...

Непростительное, грубое и дикое назначение «вагона для устриц», в котором с такой надписью и прибыло в Петербург тело писателя, почти без всякой встречи, благодаря перепутанным телеграммам.

И только на другой день в Москве огромные толпы народа, запрудившие всю вокзальную площадь, переполненные депутациями платформы с венками и цветами, — сказали первое слово о значительности потери. Как близкого, как

Чехов в Ялте у своего дома в 1904 году

любимого и родного, всей Москвой встретили мы и проводили Чехова до его могилы в Новодевичьем монастыре. И вот уже четверть века прошло с той поры, а имя Чехова не бледнеет, а становится все более и более славным не только у нас, но и во всем мире.

